

Коллективизация в свете новых документальных публикаций и современной историографии

Коллективизация: формы раскрестьянивания

Архивная революция и документальный бум минувших десятилетий позволили приступить к широкому и всестороннему изучению отечественной коллективизации как реформы. Ученые дружно квалифицируют коллективизацию как народную трагедию, как антикрестьянскую, противоправную политику, связывая с ней как экономическое, так и внеэкономическое принуждение¹.

Сложился научный консенсус в понимании того, что сплошная коллективизация выростала стихийно, из хлебозаготовительного кризиса, тупиков нэпа, форсирования индустриализации, утверждения личной власти И.В. Сталина. Перебирая возможные варианты выхода из критической ситуации, власти пришли к выводу о необходимости массового насаждения колхозов. А это было невозможно без нового раздувания классовой борьбы и поисков врагов социалистического строительства в деревне.

Модель ликвидации кулачества как класса берет начало в ходе сибирской хлебозаготовительной кампании зимы 1928 г. В поисках кардинального решения зерновой проблемы кампания разворачива-

¹ См.: Данилов В.П., Манинг Р., Виола Л. Редакторское вводное слово // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927- 1939. М., 1999. Т. 1. С. 7; Россия в XIX-XX вв. глазами российских и зарубежных историков. М., 1996. С. 209, 212, 239; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 350-351.

ется нервно, импульсивно. На месте был изобретен уралосибирский метод, при котором инициатива хлебозаготовок исходила не от госорганов, а от общественных организаций – бедняцкого актива и проводилась через собрания граждан. Она ознаменовалась двумя «достижениями». Во-первых, 107 статью УК СССР стали применять не только к спекулянтам, но и к не сдатчикам хлеба вообще. Это беззаконие означало полный разрыв с логикой рыночных отношений, с принципами новой экономической политики. Во-вторых, выяснилось, что, как и в 1918 г., привлеченная конфискацией 25% хлеба в свою пользу, беднота охотно раскулачивала.

Летом 1928 г. на заседании бюро Сибкрайкома ВКП (б) полномочный представитель ОГПУ в Сибирском Крае Л.М. Заковский говорил: «Мы видели, что эти 25%, отобранные у кулака, проветривались, просеивались и т.д., и беднота ждала, когда будет происходить следующая конфискация. Тут мы видели экономический стимул конфискации хлеба, беднота стремилась, главным образом, увеличить свои доходы, увеличить благополучие своего хозяйства. Беднота принималась за это с большим рвением и особо с кулачеством не стеснялась. Это показатель того, как беднота смотрит на улучшение своего материального положения, это показатель того, насколько у бедноты укоренились иждивенческие настроения»². Очевидно, что эти настроения широко и довольно успешно использовались властями в антикулацких акциях и сыграли поистине зловещую роль накануне «великого перелома» и, далее, в ходе сплошной коллективизации.

Хлебозаготовки превращались в прямое раскулачивание – мероприятие долговременное и многоцелевое. Массовые источники позволяют широко осветить его различные аспекты: выработку законодательной основы новой классовой политики в деревне и ее реализацию, включая физическое истребление «классовых врагов»; истинный смысл и место раскулачивания в ходе сплошной коллекти-

² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927- 1939. М., 1999. Т. 1. Док. № 113.

визации; участие масс в данном процессе; жизнь и судьбы раскулаченных (спецпоселенцев), (трудпоселенцев) и. т. д.

Раскулачивание выступало как массовая карательная операция сталинского периода, охватившая миллион репресслируемых и послужившая моделью для последующих государственных террористических акций 1930-1940-х гг.³ Эта самостоятельная кампания шла «волнами», причудливо сочетая политические и экономические цели, неизменно подгоняя темпы коллективизации. «Операция по кулаку» (как она называлась в секретных документах ОГПУ) имела целью в 1928-29 гг. усиление хлебозаготовок, в 1930 г. – конфискацию имущества и репрессии, в 1931 г. – плановое снабжение хозяйственных органов необходимыми контингентами рабочей силы. В 1931-1932 гг. с кулацким вредительством власти связывали слабые темпы коллективизации и продовольственные затруднения, а также недостатки нежизнеспособных колхозов и всей провальной работы партии в деревне.

На кулаков власти стремились списать голодную катастрофу. Начало большого голода в большой стране не было внезапным, о чем свидетельствуют сводки и донесения о положении в деревне в течение 1931 - 1933 гг. По всем основным регионам отмечаются «продзатруднения» (продовольственные затруднения), вызывавшие неорганизованное отходничество, отказ колхозников от сева, выходы из колхозов, массовые выступления, хищнический убой и падеж скота, рост нищенства и т.д. Том третий «Трагедии советской деревни» переполнен подобными свидетельствами. Бегство из колхозов сопровождалось разбором имущества, скота, инвентаря, самочинным захватом и разделом земли и посевов. Спецсправка Секретно-Политического отдела ОГПУ о ходе коллективизации и массовых выступлениях крестьянства в 1931 —январе—марте 1932 г. фактически констатировала, что в этот период наблюдался массо-

³ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 37.

вый голод, охвативший 22 региона и республики СССР и особенно сильно выраженный в Казахстане и Украине⁴.

Несомненно, верен исследовательский вывод И. Зеленина, сделанный на основе документов о том, что «раскулачивание и выселение крестьян (или угроза их применения) являлись основными, решающими факторами «нового подъема» колхозного движения»⁵. Факты говорят о том, что раскулачивание было первичным, а коллективизация выступала как производное от него, как основной метод коллективизации. Политика ликвидации кулачества как класса являлась условием и почвой сплошной коллективизации. Она опережала коллективизацию, стимулируя ее экономически и психологически, выступая как мотор «последнего предупреждения».

Изучается «чрезвычайщина» во всех ее разнообразных стадиях и проявлениях: от произвольных изъятий и конфискации до раскулачивания и голодомора в ходе насильственной коллективизации, от политотдельских мероприятий до заключительного принудительного консенсуса 1935 г. между всемогущим государством и пассивным крестьянством на почве юридически зафиксированного права на личное подсобное хозяйство. Раскулачивание предстает как «узаконенное беззаконие», как обязательное условие взбадривания и подталкивания сплошной коллективизации, и постоянное устрашение, как колхозников, так и единоличников на протяжении всего десятилетия «великого перелома» 1929-1939 гг.

Совокупным результатом «голового раскулачивания», «раскулачивания до нитки» было колоссальное разрушение производительных сил деревни, сплошное и на каждом шагу, нарушение «революционной законности». Бессмысленная растрата производительных сил привела к колоссальному падению уровня хозяйствования, к катастрофической нехватке продовольствия и последующей голодной катастрофе. Раскулачивание в тех или иных масштабах шло

⁴ Трагедия Советской деревни. Т. 1. Док. № 118.

⁵ Зеленин И. Е. Введение. (Кульминация крестьянской трагедии) // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 12.

перманентно, то усиливаясь, то ослабевая. Оно имело глубокие и длительные социально-экономические, политические и демографические последствия в виде крестьянского беженства и самоликвидации сотен тысяч крестьянских хозяйств, в своей совокупности даже превосходивших численность репрессированных крестьян и членов их семей.

Исследователи отмечают «крестьянский след» в голоде 1932-1933 г., в связанном с ним бродяжничестве, беспризорности, а также в обосновании политики «Большого террора», в которой приоритетное место отводилось «кулацкой операции» с поисками осевших повсюду «кулаков»⁶. Несомненно, раскулачивание выступало как синоним раскрестьянивания, что «операция по кулакам» и была «операцией по крестьянству», а «кулацкая ссылка», по сути являлась крестьянской ссылкой. Процесс раскулачивания и выселения раскулаченных семей растянулся на четверть века и шел перманентно с 1929 по 1954 гг. Опыт крестьянских депортаций и спецпоселений применялся и далее в карательной практике и использовании принудительного труда.

Коллективизация и модернизация

Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1928/29 – 1932/33 гг. принимался в мае 1929 г. в условиях нарастающей индустриализации и затянувшегося хлебозаготовительного кризиса. Предполагалось в сельское хозяйство вложить 23,2 млрд. руб., что должно было увеличить производство сельскохозяйственной продукции по сравнению с 1913 г. в 1,5 раза. Планировались примерно одинаковые темпы повышения доходов городского и

⁶ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940. М., Т. 1. 2005. С. 13; Осокина Е.А. Золото для индустриализации. Торгсин. М., 2009. С. 141-153; Беспризорность на Урале в 1929 – 1941 гг. Сборник документов и материалов. Екатеринбург, 2009. С. 317-318; Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010. С. 285; Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 307-322.

сельского населения (соответственно на 71 и 67%). Данное соотношение должно было быть получено в результате уменьшения себестоимости промышленной продукции на 35% и такого же увеличения урожайности. Пятилетка намечала экономическую политику, при которой участие деревни в финансировании масштабной индустриализации не должно было подрывать крестьянское хозяйство. Напротив, доля сельского хозяйства в формировании накоплений, используемых для роста промышленности, должна была сократиться с 54% в 1928 г. до 25% в 1932/33 гг., а «ножницы» цен предполагалось уничтожить. К концу пятилетки колхозы и совхозы должны были обеспечить 15,5% валовой продукции сельского хозяйства и 43% товарного производства зерновых культур. 20 миллионам единоличников предстояло вступить в коллективы, освоить 1/5 часть посевных площадей и дать стране свыше 500 млн. пудов хлеба.

Мощным и постоянным фактором был хлебный экспорт. Согласно наметкам первой пятилетки предполагался громадный рост производства зерна, что позволило бы увеличить экспорт зерна на 5-8 млн т. ежегодно. Известны телеграммы И.В. Сталина лета-осени 1930 г. ответственным лицам о необходимости форсировать экспорт хлеба за границу с тем, чтобы пробиться на международный хлебный рынок и закрепить там позиции. Генеральному Секретарю ВКП (б) посылаются регулярные отчеты о количестве заготовок и экспорте зерна за границу по пятидневкам. В постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) о хлебозаготовках (5 сент. 1930 г.) отмечалось: *«Необходимо помнить, что своевременность выполнения установленного плана хлебозаготовок связана с осуществлением экспортного плана, имеющего исключительное значение для обеспечения развертываемого в стране промышленного строительства и прежде всего основных индустриальных гигантов (Магнитострой, Челябинстрой и др.)»*⁷.

Связка «хлеб-валюта» выступает как ключевая и в последующие годы. Так, на Октябрьском Пленуме 1931 г., А.И. Микоян (в то вре-

⁷ Трагедия советской деревни. Т. 2. М., 2000. Док. № 219.

мя Нарком снабжения СССР) уверенно заявил: «Конечно, зерновую проблему мы разрешили», но ввиду резкого падения цен на сельскохозяйственную продукцию в условиях мирового экономического кризиса, «нам пришлось увеличить против первоначального плана экспорт хлеба в силу потребности в валюте на оборудование для индустрии»⁸. Очевидна прямая связь процесса форсирования коллективизации с задачами хлебозаготовок. Считалось, что колхозы автоматически обеспечат ее решение. В хлебозаготовках, как и в деле раскулачивания, решающую роль играла инициатива региональных партийных комитетов.

Государственная машина насилия была запущена и направлена на то, чтобы сломить нежелание крестьян сдавать излишки и трудиться с полной отдачей на благо индустриализации и построения социализма в одной стране. На самом деле, независимо от того, были ли «излишки» (а критерии их всегда условны, предметны и растяжимы), политика и практика беспрестанного давления выступала как непреодолимое препятствие к наращиванию производства. Для этого не было материальных стимулов — из деревни выгребалось все — хлеб, фураж, семенное зерно.

Произведя оценку зерновых балансов и урожайности в годы первой пятилетки по данным ЦСУ, Госплана и ЦУНХУ, австралийский исследователь С. Уиткрофт показал, что на протяжении этого периода потребности советского правительства в зерне значительно превышали возможности крестьян обеспечить зернопоставки. Претенциозные планы «... неизменно недовыполнялись даже в урожайные годы»⁹. Для этого приходилось снижать расходы и запасы самих крестьян, то есть обеспечивать заготовки в ущерб потреблению. В результате уровень централизованных хлебозаготовок поднялся с 10 млн т. в середине 1920-х до 22 млн т. в 1930 г. В последующие три года фактически не было увеличения государственных поставок, хотя был запланирован большой рост, и потребность в зерне была

⁸ Там же. Т. 3. М., 2001. Док. № 76.

⁹ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 842.

огромна. По мере того, как в стране сокращалось число единоличников, уменьшалось производство сельскохозяйственной продукции и, особенно, животноводческой. Количество зерна на корм скоту в сельском хозяйстве сократилось с 18,5 млн т. в 1928 г. до 10,2 млн т. в 1932/33 гг. В результате продовольственное потребление в сельском хозяйстве упало с 31,2 млн т. в 1928 г. до 18,4 млн т. в 1932/33 гг. Такая динамика практически неизбежно влекла за собой голод и катастрофические потери в поголовье скота.

Численность городского населения росла, достигнув в 1932 г. 40 млн. человек, а производство сельскохозяйственной продукции уменьшалось. В результате нажима на подсобное хозяйство колхозника и на единоличника резко сократилось производство продукции животноводства: масла – на 43%, молока – на 1/3, а яиц и шерсти – в 2,5 раза. Тем не менее, государственные заготовки зерна увеличились в два раза: в 1931 г. они составили свыше 228 млн ц против 111 млн ц в 1926-1928 гг.¹⁰ Экспорт огромного количества хлеба, обрекавший на голодную смерть миллионы крестьянских семей, принес всего 389 млн. рублей, то есть даже меньше, чем продажа пушнины, не говоря уже о лесоматериалах (они дали в 1931-1932 гг. по 700 млн руб. валютных поступлений). Так за треть всего мирового экспорта машин и оборудования, купленного в 1931 г. и за половину его в 1932 г. советскому народу, и в первую очередь крестьянству, пришлось заплатить немислимую цену. Цифры погибших от голода составили согласно одной методике 7,2 млн. чел, а другой - 10,8 млн. чел.¹¹

В историко-экономической литературе идет спор о величине и значении вклада сельского хозяйства в создание капитала для отечественной индустриализации. Ю.А. Васильев отмечает: «Накануне войны сельское хозяйство, едва вернувшись к показателям доколхозной деревни, вносило в национальный доход больше, чем про-

¹⁰ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. С. 222, 215.

¹¹ Население России в XX веке. Исторические очерки. Том 1. 1900- 1939. М., 2000. С. 276.

мышленность»¹². В.П. Данилов писал о необходимости учета ограбление населения, которое в деревне было доведено до полной нищеты, до вымирания миллионов людей, но осталось вне приписываемой официальной статистики¹³.

Противоположный тезис о том, что в 1930-е гг. город вложил в деревню больше средств, чем она в него, получил также весомые аргументы. Действительно, производительность колхозного труда росла очень медленно, а сам труд расходовался как избыточный, практически бесплатный. Промышленность производила тракторы и комбайны, чтобы восполнить потери сельского хозяйства в тягловой силе, — отсюда обратный поток продукции в сельское хозяйство. Из расчетов ряда специалистов следует, что в аграрном секторе не было создано никакого дополнительного капитала¹⁴. В книге А.А. Барсова показано уменьшение вклада аграрной сферы в индустриализацию с 50% в начале первой пятилетки до 20 - 25% в годы второй¹⁵.

В 1936 г. был совершен переход от погектарного к подоходному и денежному обложению колхозов. Заготовительные цены, по которым они сдавали продукцию (примерно 20% валового сбор зерна, почти вся животноводческая продукция (1/3 урожая) поступала МТС в качестве натуроплаты) были установлены на рубеже 20 и 30-х гг. в размере 4-8 коп за 1 кг зерновых и фактически не менялись все последующие годы. Колхозы получали за товарное зерно в 4-5

¹² Васильев Ю.А. Модернизация под красным флагом. М., 2006. С. 333.

¹³ Отечественная история. 1995. №3. С. 104.

¹⁴ Грегори П. Политическая экономия социализма. М., 2006. С. 67; Эллман М. Обеспечил ли прибавочный продукт сельского хозяйства увеличение капитальных вложений в СССР во время первого пятилетнего плана // Вопросы экономики. 1992. № 1. С. 92; Отечественная история. 1995. №3. С. 109, 115-116.

¹⁵ Барсов А.А. Баланс обменов между городом и деревней. М., 1969. С. 73, 75, 134, 188, 247-248.

раз меньше себестоимости¹⁶. В 1937 г. в стране было 18,5 млн колхозных дворов, а процент коллективизации достиг 93 по числу крестьянских хозяйств и 99,1 по посевной площади. 1,4 млн единоличных хозяйств (7% крестьянских дворов), оставшихся вне колхозов производили всего 1,5% продукции аграрного сектора.

В 1937 г. более 1/4 производимой валовой продукции шло практически безвозмездно государству в виде обязательных поставок и натуроплаты за работу МТС; около 30% — на производственные нужды общественного хозяйства и около 36% — на трудодни. Из скудных денежных доходов лишь половина распределялась по трудодням и на оплату труда. В лучшем по урожайности 1937 г. выдача зерна на трудодни составила менее 2 кг.

Очевидно, что быстрый рост несельскохозяйственной сферы шел без согласования с соответствующими изменениями в аграрном производстве. Выжимание ресурсов и их перекачка выступали как самоцель: советская индустриализация не создавала здоровой основы для технологического прогресса в сельском хозяйстве. В.А. Бондарев правомерно характеризует модернизацию аграрной сферы, осуществленную в 1930-х гг., как ускоренную и фрагментарную, связанную с внешней и частичной механизацией. Он подчеркивает, что в эти годы шла механизация основных производственных операций с частичной заменой «живого» труда трудом машинным, что не эффективно, поскольку страна велика, а ресурсы ограничены, поскольку колхозники не овладели тракторами и комбайнами, а других механизмов было мало. Авторский вывод состоит в том, что коллективизация явилась не новой моделью сельского хозяйства, а ознаменовалась достижением промежуточных уровней модернизации¹⁷.

¹⁶ Народное хозяйство СССР. Статистический справочник. М.,-Л., 1932. С. 352- 353; Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917-1963). М., 1964. С. 268.

¹⁷ Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация. Р. н/Д, 2006. С. 38.

Анализ экономических результатов коллективизации показывает, что они были неудовлетворительны и с точки зрения обслуживания интересов народного хозяйства. При непрерывном росте государственных изъятий увеличения сельскохозяйственного производства не происходило: официальные цифры преувеличивали действительные данные о сборе зерновых на 25% – 40%¹⁸. Г.Е. Корнилов подчеркивает, что, несмотря на размах модернизационной кампании, сельскохозяйственное производство постоянно восстанавливалось, то уровень 1913 г., то 1928 г., а роста производительности труда или реального дохода на душу крестьянского населения не происходило¹⁹.

Административный социализм обеспечивал экстенсивное развитие. Сложившийся порядок создавал надежную базу получения необходимого минимума продуктов, сельскохозяйственного сырья и людских ресурсов для продолжения индустриализации, роста городов и содержания армии. Если до Первой мировой войны удельный вес заготовок достигал четверти всего фактического урожая в стране, то в 1940 г. – уже 38%. При этом речь идет не об увеличении продуктивности, а об изменении организационных форм. Данная индустриализация имела результатом хроническое отставание аграрного сектора.

Несомненно, платежный баланс город – деревня требует углубленного исследования, введения в научный оборот новых архивных и статистических материалов. Проблема критериев эффективности в нерыночной среде ставит перед исследователями ряд общих и специальных вопросов. Можно ли искать народнохозяйственное оправдание модернизации в удовлетворении потребностей индустриализации? Насколько важно различать ее количественные показатели и качественные характеристики? Поставлен вопрос о слабо-

¹⁸ Попов В.П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 60.

¹⁹ Колхозная жизнь на Урале. 1935-1953. М., 2006. С. 7.

сти импортозамещающей модели развития²⁰. Таким образом, тема «Коллективизация и модернизация» нуждается в дальнейшем изучении.

Коллективизация как этатизация

Дискуссии обществоведов о сущности коллективизации как феномена обнаружили широкий спектр суждений. Она по праву рассматривается ныне не как экономическое мероприятие, а как этатизация (огосударствление), консервативная революция, связанная с насильственным отделением производителей (крестьян) от основных средств производства²¹. Действительно, колхозы, созданные вопреки воле крестьян, выступали как своеобразные источники живого труда. Они опирались всецело на собственные ресурсы и несли всю полноту экономической ответственности за результаты своей хозяйственной деятельности. Поэтому колхозы должны были бы обладать, по логике вещей, и полной самостоятельностью в отношениях с государством, исключая администрирование и натуральные изъятия. Однако колхозная экономика, как и вся экономика СССР, была подчинена идеологии. На практику давило железобетонное теоретическое убеждение, что наличие товарно-денежных отношений в социалистической экономике обуславливается временным и вынужденным существованием кооперативно-колхозной формы собственности. Ведь социализм опирался на два основных постулата: 1. Обобществление средств производства (а значит, ликвидацию частной собственности). 2. Централизованное плановое хозяйство (что исключает полноценный рынок, а государство вы-

²⁰ Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 335.

²¹ См.: Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 59- 60; Кушетеров Р. Насильственный метод аграрных преобразований в советской деревне. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. С. 37- 39, СПб, 1995; Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII-XX вв.) М., 1995. С. 230 - 239; Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 43; Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 120-121.

стует как распорядитель рабочей силы). Колхозы напрямую и сверху управлялись райкомами и ведомствами. Сами колхозы выступали как локализованные общности, не связанные между собой кооперативными отношениями, а подчиненные строгой иерархии по вертикали. Изначально отношения государства с колхозами строились на натуральной основе.

Анализ массовых источников обнаруживает ряд интересных закономерностей. Так, по мере сокращения количества единоличников колхозное производство не росло. Вместо торговли на селе преобладала распределительная система и колхозный рынок, которым центральные органы власти скорее манипулировали, нежели управляли. Продукция колхозов по-прежнему шла не на рынок, а через систему заготовок в государственные закрома. Объем государственных заготовок всех видов ежегодно нарастал. Например, общая стоимость государственных закупок сельскохозяйственной продукции, понимаемой колхозниками как дополнительный хлебный налог, увеличилась более чем в 8 раз. При этом росла доля натуроплаты МТС как самого гарантированного для государства источника получения зерна, превышавшего обязательные поставки: если в 1933 г. она составила 165 млн пуд., то в 1936 г. - 353 млн пуд. Темпы роста государственных заготовок и закупок превышали темпы роста товарной продукции. Объемы заготовок препятствовали не только расширенному, но и простому производству. При данном уровне сельскохозяйственного производства рост заготовок мог идти только за счет сокращения внутреннего сельского потребления. Заготовки в сочетании с неурожаем стали причиной локального голода в деревне в 1936/37 г. Об этом свидетельствуют крестьянские послания всесоюзному старосте М.И. Калинину. Так, колхозник Д.Я. Козырев из колхоза им. Блюхера Новониколаевского района Сталинградского края сообщал: «Получили на трудодни за первое полугодие по 500 гр. и больше не получали ... гибнем от голоду, у нас совершенно нет хлеба». А. Виноградов из колхоза «Золотой сноп» Всеходского района Западной области писал: «Есть люди, которые

по целому месяцу не видят хлеба, а едят листья деревьев, траву», «голод разорил ряд колхозов», «вся молодежь уехала из-за нехватки хлеба»²².

То, что называлось «помощью государства» тем или иным регионам, на деле являлось лишь возвратом небольшой части продукции сверх того, что у колхозов этого региона забирали в заготовку. То есть эта «помощь» бралась из хлебосдачи тех же, кому помогали. Прав Ю.А. Мошков, констатируя повсеместную и глубокую болезнь колхозного хозяйства 1930-х гг. – отчаянную борьбу за выполнение отдельных кампаний и отсутствие последовательной, систематической хозяйственной работы внутри каждого колхоза²³.

Документы, исходящие от колхозников в виде писем, жалоб, «посланий наверх», говорят о крайне тяжелом материальном и бесправном социальном положении сельских тружеников. Вот отрывок из письма в «Крестьянскую газету» Павла Ивановича Воронова (колхоз «Каретово» Солигаличского района Ярославской области) присланное от имени односельчан в связи с обсуждением проекта Конституции: *«Колхозники нашего колхоза приветствуют сталинскую конституцию с большой радостью ... они с пеньем Интернационала постановили: 1. Чтобы нам колхозникам пользоваться правом городского рабочего ничуть не ниже, чтобы мы рабочие - колхозники работали за деньги, а не за трудовни. 2. Чтобы сделать нас колхозников всех профсоюзниками и иметь профессиональные книжки, чтобы могли иметь полное право, как у городского рабочего. 3. Чтобы колхозу отпуск леса был бесплатно на все колхозные нужды, хотя определенный процент для нужд колхоза отпускать бесплатно. 4. Чтобы была бесперебойная торговля в наших селах всеми товарами, а в особенности мукой, а то у нас очень редко забрасывают муку, и колхозники бегают за хлебом за 30 километров, чтобы достать печеного хлеба для прокормления семьи, и ряд других товаров не бывает в кооперациях, а насчет кожаной обуви*

²² Письма во власть. 1928- 1939. М., 2002. С. 342, 361.

²³ Трагедия советской деревни. Т. 4. М., 2002. С. 34.

даже нигде и не видим здесь никакой. 5. Еще просим наладить у нас в колхозах работу, чтобы мы работали не все вместе, а каждый на своем прикрепленном участке, которые прикрепят за нами на все лето, и записи чтобы были в трудовые книжки каждую декаду, и давали нам их на руки, чтобы было у нас известно каждому колхознику, а то мы работаем все лето и не знаем, кто что заработал. Бригадиру говорим, чтоб выдавал нам каждый месяц и каждую декаду. Он говорит – не успеваю, работы много, а что делает? Он ничего не делает у нас в колхозе. Имеем председателя и счетовода, и бригадира, а дела никакого не видим...просим помочь изжить все недостатки в наших колхозах...»²⁴.

Если в начале 1930-х гг. крестьян насильно загоняли в колхозы, и те отвечали массовым бегством, то после принятия Примерного Устава Сельскохозяйственной артели 1935 г. – они жаловались на исключение. Устав затруднял исключение из артели (например, через усиление роли общих собраний), о чем заботятся как «верхи», так и «низы». В середине 1930-х гг. стало выгодно иметь подсобное хозяйство, даже «в нагрузку» к «колхозной барщине». Характеризуя сталинский колхозный эсп, И.Е. Зеленин писал: «И на этот раз основные выгоды от реформы получили горожане, рабочий класс, а крестьяне – производители сельскохозяйственной продукции – вынуждены были всего лишь материально подкреплять сталинскую реформу и ждать обещанных выгод в будущем за счет послаблений по линии торговли, введения новых форм заготовок, предоставления льгот по ведению приусадебных хозяйств, развития общественного хозяйства»²⁵. Крестьянам трудно было поверить в жизнеспособность сталинского лозунга – сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными. Они продолжали писать наверх о своих неизбежных бедах: о «пустом трудовне», о несуразных ценах на

²⁴ Общество и власть. 1930-г годы. М., 1998. С. 128 - 129.

²⁵ Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 210.

сельскохозяйственную продукцию и растущих ножицах цен, о причинах бегства работников из колхозов и т.д.²⁶

Таким образом, коллективизация явилась системной реформой. Она носила не производительный характер, а выступала как метод перераспределения (редистрибуции) того, что было создано фактически бесплатным трудом колхозников. Колхозный коллективизм сочетался с системой принудительного труда не идентичного ни феодализму, ни барщине ввиду высокой социальной мобильности населения, хотя элементы феодального землепользования в ней присутствовали в виде наделения колхозников приусадебными участками. Социальная архаика и жесточайшие формы внеэкономического принуждения имели разнообразное проявление: достаточно перечислить повинности российских колхозников. Это – отработочные, денежные, дорожные, натуральные повинности, подписки на займы и т.д. Отработочная повинность, сложившаяся к концу 1930-х гг., состояла в обязательном труде в общественном хозяйстве артели, на лесо- и торфоразработках, участии в строительстве и ремонте дорог и т.д. Натурально-продуктовые повинности, введенные в начале 1930-х гг. в форме обязательных поставок государству отдельных, а в конце 1930-х гг. почти всех основных продуктов, производимых в личном приусадебном хозяйстве, все время увеличивались и были отменены лишь в 1958 г.²⁷

В сущности, коллективизация стала не контрреформой в отношении нэпа, а продолжением командной экономики 1920-х гг., доведенной до логического конца. Дело в степени последовательного огосударствления сельского хозяйства. Недаром, И.В. Сталин видел причину сравнительной легкости и быстроты процесса развития колхозного движения в отсутствии частной собственности на землю²⁸. Новое государственное крепостничество в виде неофеодализ-

²⁶ Письма во власть. 1928- 1939. С.355-356.

²⁷ См.: Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930-1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96-111..

²⁸ Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 153.

ма сопровождалось усилением архаики и натурализации отношений в аграрной сфере вообще и в области земельных отношений в частности. Советские колхозы явились несущей социально-экономической конструкцией в системе государственного социализма в СССР. В сложившейся «ранговой сословно-корпоративной системе», «иерархии социальных статусов», колхозники (29 млн человек в 1940 г.) вместе с заключенными (3,7 млн человек в 1939 г.) относились к самым низким стратам, чей дешевый труд нещадно эксплуатировался государством. В итоге «социалистического укрупнения» крестьянство практически выступает как побежденная и дискриминированная группа, судьба которой целиком находится в руках государства.

Сегодня историки и экономисты расходятся в определении степени раскрестьянивания деревни и соответственно огосударствления колхозного труда и собственности. В.М. Кудров пишет, что колхозы постепенно теряли свой исходно кооперативный характер и превращались в обычные государственные предприятия²⁹. Н.Н. Тепцов определяет колхозы образца 1930-х гг. как своеобразные источники бесплатного живого труда³⁰. В.А. Бондарев делает акцент на колхозной многоукладности, включающей частный сектор, не коллективизированную часть в виде подсобного хозяйства. Он пишет о том, что объективно сформулированная задача «раскрестьянивания» так и не была завершена ни в сталинскую эпоху, ни позже³¹.

В ходе колхозного строительства утвердилась модель экономики с неограниченным экстенсивным ростом средств производства и «производство ради производства» с тотальной мобилизацией в фонд накопления огромных трудовых и природных ресурсов. Этот полурабский труд колхозников мало отличался от рабского труда

²⁹ Кудров В.М. Экономика России в мировом контексте. СПб, 2007. С. 259.

³⁰ Тепцов Н.Н. В дни великого перелома. Правда о раскулачивании в секретных документах. М., 2002. С. 334.

³¹ Бондарев В.А. Указ. соч. С. 37.

заклученных. Через данную мобилизационную модель советское общество добилось ограниченных результатов. Землепользование считалось бесплатным, однако реальная цена, заплаченная сельскохозяйственными артелями за пользование землей, была огромна, если учесть постоянный, невыгодный обмен с городом и с промышленностью. Недаром в советской повседневности закрепились слова «сдача» и «поставка», а не «продажа» и «покупка», как обязывает логика экономических отношений. Деморализация земледельца, потеря интереса к земле выступала как еще одна форма раскрестьянивания, вызванная коллективизацией³².

Альтернатива «социалистическому обобществлению» сельского хозяйства

Альтернативу сталинской коллективизации исследователи связывают как с сохранением и преобразованием нэпа, так и с необходимым отказом от него. Они ищут исторический ответ, как за пределами коллективизации, так и внутри нее. Первый путь поисков имеет в виду кооперирование на базе многоукладной экономики. По мнению В.П. Данилова, «могли развиваться различные сектора — совхозы, колхозы разных типов, интегральные кооперативы, объединения, ассоциации с разной степенью социализации, интеграции частных хозяйств и частной собственности, с привлечением крестьян-частников». И.Е. Зеленин подчеркивал значение «права за крестьянином на альтернативу, в том числе переезд в город (по желанию — и на основе оргнабора), переход на работу в совхоз, ведение единоличного хозяйства, в том числе и хуторского»³³.

Х. Хантер и Д. Шиммер — авторы книги «Ошибочные основания. Советская экономическая политика. 1928-1940 гг.» предложили модель «КАПРОСТА» (капитального роста в России). Они проанализировали ежегодную динамику двенадцати базовых отраслей

³² Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 73.

³³ Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 178.

народного хозяйства в изучаемый период на основе статистических материалов и данных наиболее авторитетных российских и зарубежных ученых под углом готовности ко Второй мировой войне. Авторы пришли к выводу, что выбранный путь не оправдан жертвами, и что состоявшийся экономический рост был потенциально неправильным, что коллективизация оказалась ошибочной, и что более медленный темп тяжелой индустрии сделал бы жизненные стандарты выше; что правильные цены, умеренные темпы и уровень производства при индивидуальной инициативе, явились бы достаточными основаниями для эффективности советской экономики³⁴. Так, предложив «контрфактическую» модель как картину не реализовавшегося прошлого, авторы показали ошибочность коллективизации, как наиболее ущербного и неэффективного способа модернизации.

Второй путь поиска альтернативы связан с осуществлением кооперативных принципов и природных потенций уже созданных колхозов. В.А. Бондарев считает, что в ходе сталинской коллективизации произошла не только ликвидация многоукладности и повсеместная замена индивидуального хозяйства колхозами, но было покончено и с многообразием типов колхозов, что привело к унификации аграрного производства³⁵. Соглашаясь с автором, отметим, например, печальную судьбу толстовских коммун³⁶. Несомненно, сохранялась альтернатива и тотальному контролю государства за колхозами в форме машинно-тракторных станций. На наш взгляд, возвращение МТС их первоначального кооперативного статуса способствовало бы укреплению хозяйственной самостоятельности коллективов и повышению ответственности колхозников за производ-

³⁴ Hunter Holland, Szyrmer Janusz M. *Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928-1940*. New Jersey. Princeton University Press. 1992. Pp. 3,5,8,11,42.; Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1997. № 2.

³⁵ Бондарев В.А. Указ. соч. С. 17.

³⁶ См.: Мурзин Б.В. Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Новый мир. 1988. №8.

ственные результаты. Настоящие хозяева нашли бы возможность содержать технику за свой счет.

Исследование механизма функционирования колхозной системы и ее социокультурных черт сопровождается сравнением общины и колхоза. Ш. Фицпатрик пишет, что «колхоз утвердился на позициях преемника сельского мира»³⁷, а Л. Виола отмечает: «Коллективизация разрушила деревенскую общину и принудительно насадила на ее место колхоз – организацию (социалистическую лишь по названию)»³⁸, Н.Н. Тепцов, определяя характер связи между общиной и колхозом, подчеркивает их природную близость. Он рассматривает колхозы как общинную структуру, а общинность и коллективизм, как становой хребет российского крестьянства³⁹. К. Мацузато считает, что после коллективизации крестьяне перенесли двойственную этику общин (коллективизм) и индивидуализм в колхозы. «Крестьяне Сталина» держались по едокам при распределении, а социалистический принцип распределения по труду не мог привиться до конца 1930-х гг.⁴⁰. Отметим, что распределение по едокам в колхозах было вынужденным, в виду постоянной нехватки продукции для распределения по трудодням. Напротив, крестьяне во второй половине 1930-х гг., как свидетельствуют их письма во власть, были озабочены именно оценкой их индивидуального трудового вклада.

Сравнивая колхоз 1930-х гг. с общиной 1920-х гг., А.А. Никонов видел важное различие между ними. Колхоз только пользовался землей – государственной собственностью, община же землей распоряжалась и владела. В общине крестьянин был собственником произведенной продукции, в колхозе – нет. Ею формально распоряжался колхоз, но фактическим хозяином было государство, а колхозник как личность был бесправен. «Колхоз означал не прогресс,

³⁷ Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 351.

³⁸ Виола Л. Указ. соч. С. 7.

³⁹ Тепцов Н.Н.. Указ. соч. С. 294, 295.

⁴⁰ Новый мир истории. М., 2001. С. 196.

не шаг вперед, а глубокий откат назад даже по сравнению с общиной, которую критиковали за консерватизм, за торможение прогресса, глушение личного интереса, сдерживание роста производительности. Колхоз сделал только одно: создал огромные по площади поля, дал простор технике. Но не человеку», - подчеркивал автор⁴¹. На вопрос: трансформировалась ли община в колхоз или уничтожена в нем, нет однозначного ответа. Реально колхоз представлял собой худший вид общины⁴². С колхозами возродилась достопыпинская община с ее круговой порукой, «коренившейся не столько в крестьянской традиции, сколько в государственном законодательстве», - писал П.Н. Зырянов⁴³. Это действительно так, но такое возрождение (в форме государственного «приневоливания») коснулось теперь не 15 млн хозяйств, а почти 250 тыс. колхозов.

Коллективизация: народ и власть

Анализ разнообразных данных, относящихся к сфере экономики и социальной жизни, приводят исследователей к заключению о процессах экспроприации, депопуляции, деградации крестьянства⁴⁴. В современных исследованиях активно исследуются вопросы численных потерь, человеческих жертв и нравственной цены коллективизации. Ведутся разнообразные подсчеты по категориям, годам и регионам сотен тысяч раскулаченных, репрессированных, перемещенных, умерших от голода. В этой связи на первый план выступает проблематика голода (голодомора) начала 1930-х гг. Она получила широкое монографическое, в том числе региональное освещение. Историки пишут о том, что в основе трагедии 1932 - 1933 гг. лежала политика насильственной коллективизации и принудительных хле-

⁴¹ Никонов А.А. Указ. соч. С. 232.

⁴² Петриков А.В. Аграрная реформа в России. М., 2000. С. 31.

⁴³ Отечественная история. 1993. № 6. С. 98.

⁴⁴ Алексеев В.В. Судьба России в XX веке // Историческая наука на пороге XXI века. Новосибирск, 2001. С. 11; Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917-1991. М., 2001. С. 78; Фицпатрик Ш. Указ. соч. С.11; Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 78.

бозаготовок сталинского режима⁴⁵. Голод представляется как организованный, «рукотворный», как неотъемлемая часть контекста истории XX в. Выдвинут вопрос: требует ли марксистская модернизация жестких репрессий и голода или можно его избежать, используя альтернативы?⁴⁶ «Голод, вызванный в стране в 30-х годах, стал частью общей политики государства применительно ко всему крестьянству (шире – к народу в целом), а не только к кулачеству», - делает вывод историк В.П. Попов⁴⁷. В.Б. Жиромская отмечает, что «Демографические процессы испытали на себе воздействие таких неблагоприятных факторов, как голод, переселение раскулаченных, репрессии, что привело к падению прироста населения в начале 1930-х гг. до отрицательной величины. Прежде всего, это происходило за счет высокой смертности и потерь населения. Вслед за этим последовало понижение рождаемости. Эту демографическую ситуацию принято называть «демографической катастрофой»⁴⁸. Большие потери пришлись на производящие районы РСФСР. Согласно материалам демографической переписи 1937 г., сельское население, составлявшее 2/3 населения страны, обнаружило тенденцию к уменьшению в РСФСР на 9,2%. 1939 г. показал повсеместное сокращение сельского населения, хотя накануне войны оно было в два раза больше городского⁴⁹. Вероятно, вымирание деревни началось не в 1940-е гг. а на рубеже 1920-30-х гг.

⁴⁵ Осколков Е.Н. Голод 1932-1933 гг. в Северо – Кавказском Крае. Р.н/Д., 1991; Голодомор 1932-1933 гг. в Украине. Причины и последствия. Материалы конференции. Киев, 1995; Загоровский П.В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х гг. Воронеж, 1998; Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900-1939. М., 2000. Гл. XII; Кондрашин В.В. Голод 1932 - 1933 годов: Трагедия российской деревни М., 2008; Ивницкий Н.А. Голод 1932 - 1933 годов в СССР. М., 2009.

⁴⁶ Кондрашин В.В. Указ. соч. С. 6.

⁴⁷ Попов В.П. Хлеб под большевиками // Новый мир. 1997. № 182.

⁴⁸ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 33.

⁴⁹ Там же. С. 74, 71.

Составной частью завершающего этапа коллективизации явилась «чрезвычайщина» 1937-1938 гг., получившая название «Большой террор». Ставшие ныне известными документы освещают процесс постепенного ужесточения политического курса, приведшего к массовым репрессиям 1937-1938 гг.. Они носили не произвольный, а целенаправленный и управляемый сверху характер⁵⁰. Это была серия массовых операций против так называемых «антисоветских элементов», «контрреволюционных национальных контингентов» и массовые депортации, проводимые НКВД под руководством политбюро ЦК ВКП (б). На первое место среди врагов советского строя были поставлены «бывшие кулаки», скрывавшиеся от репрессий, покинувшие лагеря, ссылки и трудпоселки. Они стояли в одном ряду с «членами антисоветских партий», участниками повстанческих, фашистских, шпионских формирований, «церковниками» и новой категорией уголовных преступников. Репрессивная кампания, захватившая широкие слои населения страны, была направлена «на окончательное решение проблемы внутренних врагов Советского Союза», то есть на профилактическую чистку в предвоенной ситуации. На самом деле накануне «большого террора» не существовало угрозы непосредственного военного нападения на СССР (также как и на рубеже 1920-х - 1930-х гг.). Спецслужбы иностранных государств не проводили акций по непосредственному подрыву экономического и оборонного потенциала СССР. Следует вести речь об ограниченном характере разведывательной деятельности⁵¹.

Теперь, как и ранее, политические и хозяйственные цели раскулачивания причудливо перемежались, сопровождая, и подстегивая друг друга. Ускоренно и в упрощенном порядке внесудебные «тройки», начиная с августа по декабрь 1937 г., выносили смертные приговоры (мужицкая доля среди расстрелянных составила

⁵⁰ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 402; Хаусов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. М., 2009. С. 326-327.

⁵¹ Хаусов В., Самуэльсон Л. Указ. соч., С. 326.

59,5%)⁵² или приговаривали к заключению в тюрьмы и лагеря на 8-10 лет. В период с 1934-1937 гг. было осуждено почти 2 млн крестьян. Как и ранее центру приходилось ограничивать активность местных властей. Установленные лимиты значительно (примерно на одну треть) на практике превышались за счет дополнительных списков. «Кулацкая операция» продолжалась в следующем, 1938 г. и нарастала в сторону ужесточения. По современным данным с 1 октября 1936 г. по 1 июня 1938 г. было арестовано 1.420.711 человек, в том числе «в порядке приказа НКВД № 00447» — 699.929 человек — почти половина (49,3 %) пришлось на долю крестьян⁵³.

В соответствии с оперативным приказом № 00447 с лета 1937 по ноябрь 1938 г. шла чистка местных руководителей районного масштаба. «Разгром врагов народа в сельском хозяйстве» принимал форму открытых показательных процессов над «вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные, советские и земельные органы (работники МТС и райзо (земельные отделы районного исполнительного комитета — Н.Р.), предрики (председатели районного исполнительного комитета — Н.Р.), секретари РК и т.п.)». Соответствующая директива означала политическую мобилизацию колхозников вокруг начавшейся кампании. Как показывают опубликованные материалы этих процессов, они были тщательно подготовлены и часто заканчивались расстрельными приговорами. «Для массовой работы в сельсоветы и колхозы направлен районный актив. В колхозах выделены чтецы и беседчики о процессах», — телеграфировал, например, и.о. секретаря Западного обкома ВКП(б) Коротченков И.В. Сталину⁵⁴. В ответной телеграмме тот советовал ему приговорить вредителей к расстрелу, о чем опубликовать в местной печати.

Вот типичное сообщение газеты «Советская Сибирь» о судебном процессе над бывшими руководителями колхоза «Путь Лени-

⁵² Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. вторая. С. 17.

⁵³ Там же. Док. № 66.

⁵⁴ Там же. Кн. первая. Док. № 293, 295.

на» Убинского района Новосибирской области (21 сентября 1938 г.). В нем говорилось о группе вредителей - кулаков в составе бывшего председателя колхоза Пухова, кулака Потапова, бывшего кузнеца Шишкина и т.д.: «Троцкистско-бухаринские вредители, орудовавшие в колхозе в 1937 г. сгноили хлеб с площади 146 гектаров. Они же смешивали сортовые посевы с рядовыми, уничтожили семенной участок. Враги народа не останавливались ни перед чем, лишь бы навредить колхозу. Они сожгли сено, уничтожили 219 голов крупного рогатого скота, сорвали сенокос. Эти выродки поставили целью погубить хлеб урожая 1938 г. Между ними был прямой сговор – оставить колхозников без хлеба. Скирдование и обмолот не производились. Государству в счет хлебосдачи не вывезено ни одного килограмма зерна. Вредитель Шишкин, будучи кузнецом, вывел из строя все сельскохозяйственные машины, новые части он раздалбливал зубилом. Во время уборки вредители умышленно срывали общественное питание, ухудшали бытовые условия... Эти мерзавцы душили стахановское движение в колхозе, издевались над колхозниками, дававшими высокие выработки на вязке снопов». Газетное сообщение заканчивалось констатацией: «В суд поступили многочисленные резолюции трудящихся Убинского района с требованием расстрела троцкистско - бухаринских убийц, вредителей и диверсантов»⁵⁵.

По ложным донесениям и самооговорам были обвинены во вредительстве и в большинстве своем расстреляны руководители Наркомзема СССР и его структурных подразделений, ответственные работники республиканских наркоматов, областных и краевых управлений и т.д. Нарком земледелия СССР Р.И. Эйхе на Январском пленуме ЦК ВКП (б) 1938 г. громил троцкистско - бухаринских вредителей, засевших в земельном аппарате и разлагавших кадры. «Трудно себе представить более расхлябанную и недисциплинированную систему, чем система Наркомзема», — негодовал

⁵⁵ Там же. Кн. вторая. Док. № 119.

он⁵⁶. Квалифицированные кадры этих учреждений с десятилетним стажем руководства вошли в первые когорты репрессированных «врагов народа». В эти годы Н. И. Вавилов, А. Л. Вайнштейн, А. Г. Дояренко, Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Литошенко, Н. П. Макаров, Н. П. Огановский, Н. М. Тулайков, А. В. Чайнов и многие другие крупные ученые аграрники были привлечены к уголовной ответственности, признаны виновными во внесудебном порядке и осуждены за особо опасные государственные преступления.

В речи на XVIII партийном съезде крупный партийный функционер А.А. Андреев «живописал» огромный вред, причиненный колхозам и совхозам «замаскированными вредителями» по линии массового заражения скота сапом, сибирской язвой, искусственно созданной бескормницей и т.п.. «Враги, пробравшиеся в земельные органы» разрушали сельскохозяйственные машины в МТС и совхозах... мешали уборке хлебов ... а убранный хлеб гноили на складах и заражали клещом». Вывод куратора по сельскому хозяйству в Политбюро звучал следующим образом: «Сельское хозяйство было, очевидно, главным объектом вредительской и диверсионной работы врагов... но враги просчитались... наши колхозы вышли из борьбы с вредителями еще более окрепшими»⁵⁷.

Политическое руководство СССР, с одной стороны, криминализовало социальную стихийность, с другой – политизировало обычные преступления, приравняв их к оппозиции советскому порядку. Таким образом, находились убедительные, на взгляд руководства страны, объяснения состояния самой отсталой отрасли народного хозяйства, а желаемое выдавалось за действительное. В любом случае, настоящие уроки из ошибок и преступлений не извлекались. Тактическая «многоходовка» властей достигла своей цели. Недовольство колхозников было в значительной степени канализировано против местного начальства, как виновника провалов в колхозной жизни; очередная волна запугивания народа помогала

⁵⁶ Там же. Док. № 3.

⁵⁷ Там же. Док. № 183.

вести линию на дальнейшее и нарастающее его ограбление «во имя победы социализма» и перед лицом растущей военной угрозы.

Несомненно, крестьянство было главным объектом и жертвой большевистских экспериментов в области принудительного труда и этатизации. На основании сопоставления статистических данных, обнаруженных в архивах, В.И. Попов аргументировано пишет о том, что «уровень и условия жизни народа упали не на короткий период в процессе так называемых социалистических преобразований, а в результате этих преобразований». Этот вывод носит доказательный характер⁵⁸. Массовые источники зафиксировали ключевые слова эпохи: «*барицина – Соловки – бесхозяйственность*». Крестьяне называли коллективизацию «вторым крепостным правом», по - своему раскрывая аббревиатуру ВКП (б), воспринимая ее как механизм социальной и экономической эксплуатации. Вероятно, следует вести речь не столько о трансформации «*общинности в колхозность*», сколько о своеобразной форме государственного патернализма.

В кратком курсе истории ВКП (б), увидевшем свет в 1938 г., И.В. Сталин назвал коллективизацию – «революцией сверху» при прямой поддержке «снизу» со стороны миллионных масс крестьян, борющихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь⁵⁹. Эта лукавая формула не может быть отвергнута без обсуждения. Современные исследователи выдвинули принципиальный вопрос о характере и масштабах участия крестьянских масс в раскулачивании и коллективизации. Авторы книги «Социокультурные основания и смыслы большевизма» отмечают, что критика большевизма ведется в отношении насилия над народом, а массовая поддержка населением террора, участие в его проведении умалчивается⁶⁰.

⁵⁸ Попов В.П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 49.

⁵⁹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Одобрен ЦК ВКП (б). 1938 год. М., 1945. С. 291- 292.

⁶⁰ Ахизер А.С. и др. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск, 2002. С. 7.

На практике соучастие крестьянской бедноты в политике грабежа деревни явилось решающим фактором массовой коллективизации, основанной на широком раскулачивании крестьянства. 25% конфискованного хлеба накрепко привязали бедноту к политике раскулачивания, сделав ее не только соучастником, но и проводником политики властей. Выказано мнение о том, что сталинская власть сумела с самого начала перевести борьбу крестьян против внешней силы – государства в борьбу внутри самой деревни. «Если бы крестьянство, которое составляло подавляющее большинство населения России, оказалось социально сплоченным в сопротивлении политике коммунистической власти, то никакую коллективизацию провести бы не удалось»⁶¹.

Причины победы государства над крестьянами часто связываются со стихийностью и локальностью, с разнородностью их положения и интересов. Назвать то, что творилось гражданской войной, на наш взгляд, нельзя: крестьяне оборонялись. Их террор был ответным, вынужденным и запоздалым. Изучая социокультурные (в широком смысле) результаты и последствия отечественной коллективизации, мы пытаемся ответить на главный и сакраментальный вопрос: почему погибло крестьянство в крестьянской стране? Для этого должно быть продолжено исследование соотношения политики и экономики, власти и общества применительно ко времени и месту, то есть в хронологическом и региональном разрезе.

Коллективизация возникла сначала как прецедент, позже оформленный в постоянную практику. Как мы могли убедиться, эта практика находилась в постоянной динамике. «Наступление» и «отступление», «кнуты и пряники» («чрезвычайщина» и «неонэп») чередовались, переплетались; носили сложный и противоречивый характер. Так называемый неонэп или колхозный нэп можно рассматривать как «реформу в реформе». Система государственного социализма выработала твердые принципы, которыми неуклонно руко-

⁶¹ Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 98, 85.

водствовалась. Формула «колхозы для пролетарского государства, а не пролетарское государство для колхозов», артикулированная в разгар голода 1932 г. партийной элитой, и в дальнейшем выступала как ее неизменное кредо⁶².

Признание коллективизации «неудачной моделью кооперирования»⁶³ не снимает вопроса: чем была коллективизация? «Коллективизация была нечто большее, чем ограниченная во времени кампания, подобно сбору зерна и была предназначена для радикального изменения структуры сельского хозяйства», – пишет А. Таниучи⁶⁴. Ст. Мерль называет коллективизацию отдельным мероприятием в рамках строительства социализма, связанным со Сталиным и массовым террором⁶⁵. В.А. Бердинских видит в колхозах своеобразную форму тотального контроля над всеми сферами жизни и полномочного распоряжения мерой труда и потребления⁶⁶. П. Грегори отмечает, что коллективизация проходила в соответствии с логикой первоначального накопления капитала, и что этот курс проводился настолько последовательно и твердо, что можно рассматривать накопление капитала как четвертый принцип, лежащий в основе советской системы, наряду с первыми тремя: государственной собственностью, планированием и ведущей ролью партии⁶⁷. По мнению Ш. Фицпатрик, коллективизация представляла собой государственный проект, имеющий целью как эксплуатацию, так, и модернизацию⁶⁸. Л. Виола считает коллективизацию кульминацией атаки на крестьянство, его культуру и образ жизни⁶⁹.

⁶² Из письма М.М. Хатаевича В.М. Молотову // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 556.

⁶³ Белоусов Р. Экономическая история России. XX век. Книга 3. М., 2000. С. 58.

⁶⁴ См.: Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1996. С. 348.

⁶⁵ Там же. С. 373.

⁶⁶ Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001. С. 349.

⁶⁷ Грегори П. Указ. соч. С. 64.

⁶⁸ Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 351.

⁶⁹ Виола Л. Указ соч. С. 7.

Коллективное обсуждение этой сложной и болезненной для общественного сознания темы приводит к логическому выводу о том, что разрушение деревни и уничтожение крестьянства явились, пожалуй, главными событиями XX века. Ученые и публицисты спорят, что для страны оказалось страшнее и истребительнее - революция 1917 года или коллективизация? Все чаще коллективизация ставится на первое место, поскольку сталинская коллективизация в большей степени изменила историческое лицо России, чем сама революция. «Сталинская коллективизация сельского хозяйства в большей степени изменили историческое лицо России, нежели сама революция», - отмечает А.В. Пыжиков⁷⁰. «Не войны, не революции, не «построение социализма в одной стране», не чередование тоталитарных и авторитарных режимов определили новое лицо страны и народа, а гибель деревни в процессе нашей модернизации», - пишет А.Г. Вишневский⁷¹.

Итак, идет систематизация многообразных новых знаний о коллективизации. Сегодня складывается понимание ее как сложного и многоликого социального явления, переломного для деревни и страны процесса, противоречиво сочетавшего доктринальные установки и практические уступки государственной власти. Сплошная коллективизация, внешне представшая контрреформой по отношению к нэпу, стала его логическим продолжением. Советские колхозы явились несущей социально-экономической конструкцией в системе государственного социализма в СССР.

⁷⁰ Пыжиков А.В. Военные приоритеты мирного времени: экономическое развитие СССР в 1945 – 1953 гг. // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 143.

⁷¹ Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 11.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ № 1. Шифротелеграмма секретаря Северного крайкома ВКП (б)

С.А. Бергавинова Л.М. Кагановичу

«о возможности принятия к весне до 100 тысяч кулацких семейств южных районов»¹

14 января 1930 г.

Из АРХАНГЕЛЬСКА

МОСКВА ЦК ВКП (б) тов. КАГАНОВИЧУ

ОГПУ запросил Севкрай ГПУ о возможности принятия к весне до 100 тысяч кулацких семейств южных районов. Бюро Крайкома считает возможным к маю (?)^а месяцу принять 50-/0 тысяч семейств с расселением и постоянным жительство в отдельных районах края и докладывает ЦК свои соображения по этому вопросу:

1) До о[т]крытия навигации (конец мая) должны быть присланы только трудоспособные мужчины, которые в отведенных нами местах к лету готовят места постоянного жительства с семьями, семьи до навигации остаются на местах или ожидают в лагере ОГПУ, иначе нам придется для их доставки за сотни тысяч верст мобилизовать почти всех лошадей лесозаготовках, грузовых перевозках и тем сорвать лесозэкспортные заготовки. 2) Расселять намерены в ненаселенных районах группами, частично мало населенных, используем^б их в ряде районов, как рабочую силу, а в некоторых местах экономически осваиваем ими пустую приморскую полосу, где промысловую продукцию от них забираем на выработанных нами условиях. 3) Высылаемые должны захватить с собой минимальный инвентарь, топоры, пилы и тому подобное и, если возможно, на 5-10 хозяйств 1 лошадь, ибо им придется подвозить лес для застройки к месту жительства и вообще их ло-

шади будут не вредны для края, если их на местах раскулачат до отказа (видимо так и будет). Не исключаем возможности минимуме (?) отпуск леса на застройки бесплатно. 4) На первый период дать им голодные нормы снабжения, ибо в местах предполагаемого заселения нет никаких рынков и населения, НКТорг должен это учесть. 5) ОГПУ должно помочь нашему ГПУ людьми специально для этой работы, ибо речь идет о пропуске в 2-3 месяца сотни тысяч народу. По разработке всего вопроса создана из состава Бюро тройка. Просим ЦК учесть эти соображения и ответить верны ли наши установки.

2) *Здесь и далее так в документе.*

⁶ *Так в документе, следует использовать.*

..

Источник: Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940. М., 2005. Книга 1. С. 32.

Документ №2. «Вы все лжете крестьянам» (Из неопубликованного письма в «Правду». 1930 г.)

Мы, крестьяне Западной обл. Гжатского района Гуляевского сельсовета решили собрать собрание. И вот собравшись (6 деревень) в количестве 150 граждан единоличников и 15 колхозников, выбрали президиум...Решили обсудить настоящее положение Советской республики. После долгих споров и обсуждений мы пришли к убеждению, что страна наша идет к разорению и к нищете. Редакция «Правды», вы не сердчайте, что мы так отвечаем ... Вот второй год идет пятилетка, а ничего хорошего не видно, а вы все трубите, что то улучшилось, другое прибавилось, все идет чисто и гладко, что заводы и фабрики работают ударно, что колхозы и совхозы расширили посевную площадь, что осталось только организовать сплошные колхозы и уничтожить единоличные середняцкие, по вашему варварские хозяйства и тогда будет рай в Советской стране. Нет, далеко ошибаетесь. Мы, крестьяне, видим, что вы все врете, особенно по земледелию. Первый вопрос о промышленности и строительстве... Правда, есть некоторые достижения правильны, но это очень немного. А некоторые достижения совсем не нужные в настоящее время. Мы, крестьяне, видим эту картину очень хорошо. Двинули промышленность вперед - какую машину не купишь, она очень плохого качества.... Теперь возьмем второй вопрос – земледелие.. Мы, крестьяне видим, что сколько колхозы и совхозы ни расширяют посевную площадь, как бы они ни подняли урожайность, но мы видим, что огромный кризис продуктов сельского хозяйства растет не по дням, а по часам. Это вызвало разорение крепких крестьянских хозяйств, а бедные и маломощные середняцкие, они сами себя не прокормят, а не только дать государству продукцию. Колхозы и совхозы производят продукции много только на бумаге, а в действительности там ничего нет, и кризис растет, и

будет расти, хотя вы заставили все единоличные середняцкие крестьянские хозяйства всевозможными нажимами войти в колхозы, все равно кризис будет расти. Власти дела не наладят до тех пор, пока само сельское население не пойдет добровольно с охотой, с желанием в колхозы. Чтобы избежать кризиса в сельской продукции, не нужно было разгонять крепких крестьянских хозяйств до тех пор, пока действительно бы колхозы и совхозы не заменили бы эти хозяйства в продукции, и тогда бы их можно было бы ликвидировать. Они до того времени были бы целы и никуда бы не делись бы со своим имуществом и целы были бы сами. В настоящее время уцелевшие от раскулачивания середняцкие хозяйства, они теперь хозяйства свои не поднимают и не развивают их теперь.. Никакая агитация не заставит развивать хозяйства, а уменьшать – уменьшают, коров продают и режут, лошадей тоже так.... А капитальное строительство часть прикрыть, без которого мы можем обойтись. Затем до свидания!

Подпись президиума: председатель - Николай Степанов, член президиума - Мих. Рысенков, Секретарь - И. Николаев).

Источник: Российский государственный архив экономики (РГАЭ).Ф.7486, ОП.37, Д.102, Л.107.

Документ №3. Характер массовых выступлений и состав участников по СССР за 1930 г.

Месяцы	Общее число массовых выступлений	Причины массовых выступлений												
		Количество выступлений с преобладанием женщин	Коллективизация	Изъятие и ущемление антисоветского элемента	Закрывание церквей, снятие колоколов	Посевная и уборочная кампании	Хлебо- и мясозаготовки	Налоговая компания	Продзатруднения	Недостаток промтоваров	Другие хозяйственные и политические компании	Перевыборы советов	Хлопкозаготовки	Прочие
Янв.	402	229	158	68	159	7	2		4					4
Фев.	1048	379	723	178	103	19	2	1	9					13
Март	6528	1172	5010	749	514	160	2	5	65					23
Апр.	1992	550	789	457	391	147		2	172		10			24
Май	1375	486	284	338	126	154	3	1	433		7			29
Июнь	886	301	175	214	69	37	4	1	348	3	5			30
Июль	618	167	170	177	38	9	29	2	141	5	7			40

Коллективизация в свете новых публикаций

Авг.	256	105	50	61	25	7	73	1	17	3	1			18
Сент.	159	82	12	40	10	2	65	3	9	7	1		1	9
Окт.	270	141	6	33	23	1	173	11	9	2	2		2	8
Нояб.	129	56	3	17	12	1	67	3	10	6	1	1	2	6
Дек.	91	44	2	7	17		36	11	3	1		4	3	7
Всего за 1930 г.	13754	3712	7382	2339	1487	544	456	41	1220	27	34	5	8	211

Источник: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939. Т. 2. М., 2000. С. 802.

**Документ №4. Выходы из колхозов по деревне СССР
с 1 октября 1931 по 1 апреля 1932 г.**

П.П.	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Всего хозяйств	Примечание
Северо-Кавказский край	13470	1460	450	14990	23300	10200	63870	
Национальные районы СКК							3176	Данные не точны
ЦЧО					247	721	36046	
Средне-Волжский край			300	1500	1080	с 1 по 15 - 170	3050	
Нижне-Волжский край	55	45	73	1018	200	130	1521	
Западно-Сибирский край				1117	6220	13532	20369	
Восточно-Сибирский край					по 1 р. 150		150	
Урал							16179	
Московская область	2570	2610		4260	5420		16840	
Ленинградская область	сведений нет	сведений нет	сведений нет	сведений нет	сведений нет		с января по 1 апреля 18179	

Коллективизация в свете новых публикаций

Западная область							16650	
Ивановско-Промышленная область			150	1721	3366	по 47 районам 1837	7074	
БССР				9070			9070	
Нижегородский край	926	2937	4916	5084	14305		34677	
Дальне-Восточный край	328	234	161	266	291	38	1318	
Северный край				693	1126	376	2195	
Башкирия							1378	
Татария							4429	
Казахстан							2046	Данные не точны
Крым							744	
Закавказье	598	134	405	1230	1230	632	2999	
Итого:							253370	

Источник: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939. Т. 3. М., 2000. С. 348.

**Документ №5. Докладная записка о состоянии
детской беспризорности и детдомов.**

№	Название края, области	Количество детей, охваченных детдомам на 1/1 – 1933 г.		Количество детей, охваченных детдомам на 1/8 – 1933 г.	
		учреждений	детей	учреждений	детей
1	Северный край	86	6000	100	7000
2	Северный Кавказ	142	14650	217	43000
3	Урал	-	16300	-	21500
4	Нижняя Волга	-	6000	-	12000
5	Средняя Волга	-	9600	-	13500
6	Западно-Сибирский край	-	8209	152	11269
7	Казахстан	-	-	-	61000

Источник: Беспризорность на Урале в 1929 – 1941 гг. Сборник документов и материалов. Екатеринбург. 2009. С. 317.

**Документ №6. Письмо колхозника
Н. П. Ветлужского М. И. Калинин**

8/VI-37 г[ода]

Михаил Иванович! Я, не имея никакой возможности, решил обратиться к вам как к вождю пролетариата и знакомому с сельским хозяйством. М[ихаил] И[ванович]! Я в настоящее время нахожусь в колхозе. Правильный путь крестьянства [указан] тов[арищем] Лениным, этот путь для крестьянства самый верный. В настоящее время я много читаю газет и книг. В газете пишут, что везде идет строительство, встретишь, что и колхозы начинают жить зажиточно, но все ли это верно. Я считаю... с достижений колхозов², то все это поверхностно, но если заглянуть внутрь колхозов, то, наверно, будет наоборот, но еще [если] взглянуть внутрь колхозников, то у них совсем другое, и это так. Положение свидетельствует фактом, а именно текущностью колхозников из колхозов. И в настоящее время в колхозах осталось, если считать старое население, которое было до колхозов, только осталось 50%. Этот факт характеризует[ся] неохотностью жить в колхозе, и сейчас текущность колхозников из колхозов продолжается и очень в большом количестве. Хотя на замену ушедшим колхозников из колхоза на наши поля прибыли сложные машины, которые заменяют рабочую силу, но ведь и при машинах нужна рабочая сила. Но чем объяснить текущность колхозников из колхозов? Я думаю, тем, что колхозы и колхозники обижены правительством. А именно то, что [если] сравнить рабочих на фабриках, то они гораздо живут лучше колхозников, но если доказать этот факт — есть колхозники, которые уехали из колхозов уже года 2 и пристроились на заводах и предприятиях. Пишут, что в настоящее время жить на заводах и фабриках стало лучше, чем в колхозах. Там каждый день известно, сколько он заработает. Пишут, можно зарабатывать от 15 руб[лей] и больше, и на заводе все можно купить: и мануфактуру, и друг[ие] товары можно купить сколько угодно. И пишут, что я живу здесь гораздо лучше, чем в колхозе.

Но попробуй купить колхозник [в] своей местности, так что мануфактуры здесь не купишь, и колхозники ходят плохо одетые.

Но если подсчитать, как оправдывает труд колхозников, то тут уж и говорить не о чем. Вот факт, что за 1936 год колхозники получили на трудодень до 1 руб[ля] да хлебом до 500 грамм, вот вам оплата колхозного труда. А пример: рабочий работает определенные часы, а колхозник работает с раннего утра и до поздней ночи. Это выходит равноправие в труде между рабочим и колхозником? А если заставить рабочего работать, как работает колхозник и получает на трудодень, то рабочего ни за что не заставишь, как работает колхозник. В чем заключается малая оплата труда в колхозах? Колхозы и колхозники платят все по обязательствам государству, хлеб, мясо, молоко, шерсть, картофель и друг[ие] продукты. Но сколько за это получает самого мизерного плату². Например, рожь государство покупает по 6,5 руб[ля] за 1 центн[ер], овес — 5,5 руб[ля] за цент[ер], мясо — до 27 коп[еек] за кило, молоко — 10 коп[еек] литр, картофель — до 3 руб[лей] за 1 центнер, цены, значит, твердые. А если купить какие-либо товары, то уж твердых цен не встретишь. Как пример: сахар от 4,5 до 4,7 руб[ля] за кило, мануфактура от 2 руб[лей] и выше, и той нет, а если взять хлеб ржаной — 1 кило 85 коп[еек], когда государство покупает 6,5 коп[ейки] за 1 кило. Если считать хлеб с припеком и все накладные расходы, то государство получает чистой прибыли минимум 80 руб[лей] с одного центнера. Если с сравнением 1926 года, то тогда было так, что государство закупало хлеб хотя бы по 60 коп[еек] пуд, значит, выходит того года сахар был 38 коп[еек] кило, крестьянин мог купить на 1 пуд ржи два кило. Когда сейчас купить один кило сахару, то нужно продать 5 пудов ржи, значит, цены против крестьянских продуктов на товары повысились с лишним в 12 раз. А если взять другие товары, как пример — керосин, он был 7 копеек кило, сейчас — 80 коп[еек]. Сейчас колхозник говорит так, что государство берет все продукты задаром, а эту оплату лучше бы не давали и считают мизерной оплатой. Вот вам цена на крестьянские продукты. Но если говорить о деньгах, ведь вы скажете, что колхозник может зарабатывать на побочном заработке и еще может продать излишки продуктов.

Я уже писал, что колхозников осталось мало и даже чуть-чуть справляются со своим хозяйством, а где уже идти на побочные заработки. Вот Вам положение в колхозах в части денежных средств.

«...»

Михаил Иванович! Я считаю, что нужно эту рабочую силу закрепить, чтобы она не уходила из колхозов. Но что для этого нужно. Я думаю, что нужно цены на крестьянские товары изменить и добросовестно оценить труд колхозника или же снизить цены на товары. Когда труд колхозника будет оправдывать, то он прилежней будет работать, повышать урожайность и развивать животноводство, которое сильно ослабло, и надо планомерно снабжать товарами колхозников и также колхозы. Сейчас у нас существует живая очередь, в которую колхозники не успевают, да им из деревни ходить некогда.

«...»

Михаил Иванович! Я, кажись, можно еще писать, и так написал много. Но я думаю, что тактику в деревне нужно изменить, только тогда можно выполнить лозунг тов[арища] Сталина — сделать все колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными.

На мое примечание прошу ответить по адресу: Кировская область Шурминский район, Н. Шурминский с[ельский] совет, колхоз «Челюскинец». Ветлужский Николай Петрович.

18/V-1937 года.

Источник: Письма во власть. 1928-1939. М., 2002. С. 355-356.

**Документ № 7. Заготовки и закупки зерна в СССР
в предвоенные годы (в млн. пудов)**

Источник и вид заготовок	1937/1938 г.		1938/1939 г.		1939/1940 г.		1940/1941 г.	
	Абс.	Уд. вес	Абс.	Уд. вес	Абс.	Уд. вес	Абс.	Уд. вес
<i>Колхозы</i>								
Обязательные поставки	620,5	35,9	587	36,9	547,7	31,8	955,1	39,2
Натуроплата	687,2	39,8	618,4	38,9	742,8	43,2	1059,6	43,5
Возврат ссуд	68,3	3,9	72,8	4,6	152,2	8,8	141,2	5,8
Итого	1376	79,6	1278,2	80,4	1442,7	83,8	2155,9	88,5
<i>Совхозы</i>								
Хлебосдача	237,2	13,7	207,1	13	188,5	11	259,4	10,7
Возврат ссуд	7,4	0,4	2,6	0,1	6,6	0,4	5,7	0,2
Итого	244,6	14,1	209,7	13,1	195,1	11,4	265,1	10,9
Колхозники	5,1	0,3	5,8	0,4	5,5	0,3	10,9	0,4
Единоличники	3,5	0,2	2,7	0,2	1,4	-	4,6	0,2
Гарнцевый сбор	100,8	5,8	93,9	5,9	76,6	4,5	-	-
Итого заготовок	1730	100	1590	100	1721,3	100	2436,5	100
Закупка	219,6		185,5		154		203,4	
Заготовка и закупка	1949,7		1775,8		1875,3		2539,9	

Источник: История крестьянства СССР. История советского крестьянства. Т.3. М., 1987. С. 91.

Коллективизация в свете новых публикаций

Документ № 8. Число совхозов, машинно-тракторных станций и колхозов (на конец года)

	1928	1932	1937	1940
Число совхозов всех систем	1407	4 337	3992	4 159
Число машинно-тракторных станций	6	2 446	5818	7 069
Число всех колхозов, включая рыболовецкие и промысловые колхозы (тыс)	33,3	211,7	243,5	236,9
В том числе сельскохозяйственных артелей	33,3	210,6	242,5	235,5
В них наличных колхозных дворов (млн.)	0,4	14,7	18,1	18,7
Приходится в среднем на один колхоз колхозных дворов	13	71	76	81

Источник: Народное хозяйство СССР. М., 1956. С. 100.

Документ № 9.
Коллективизация сельского хозяйства

	Процент коллективизации на 1 июля	
	по числу крестьян- ских дворов	По посевной площади
По СССР — в границах до 17 сентября 1939 г. 1918 г.	0,1	...
1927 г.	0,8	...
1928 г.	1,7	2,3
1929 г.	3,9	4,9
1930 г.	23,6	33,6
1931 г.	52,7	67,8
1932 г.	61,5	77,7
1937 г.	93,0	99,1
1940 г.	96,9	99,9

Источник: Народное хозяйство СССР. М., 1956. С. 99.

Документ №10.

Структура сельского хозяйства СССР

	1927 г.	1940 г.
Колхозы, тыс.	14,8	236,9
в них наличных дворов, млн.	0,2	18,7
Совхозы, тыс.	1,4	4,2
Единоличные крестьянские хозяйства, млн.	23,7	3,6
Кулацкие хозяйства, млн.	1,1	-

Средние размеры колхозов СССР

	1928 г.	1934 г.	1940 г.
Колхозных дворов на один колхоз	13	68	81
Общественных посевов, тыс. га	0,04	0,4	0,5
Общественного скота, голов	5	44	85
крупного рогатого скота, в том числе коров	2	15	24
Свиней	2	15	35
овец и коз	7	51	77
Тракторов (в пересчете на 15-ти сильные, шт.)	0,2	0,8	2,4

Источник: Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII-XX вв.). М., 1995. С. 239, 240.